

ТЕОРИИ И ПРАКТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Вопросы мироустройства

Сергей Пилецкий

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ И ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ О ВОЙНЕ: ВЗГЛЯД ДВУХ ИДЕАЛИСТОВ

Аннотация. Исследуются позиции Данте Алигьери и Владимира Сергеевича Соловьева в отношении феномена войны. Указывается, что на специфику их позиции не мог не оказать влияния тот факт, что тот и другой по своим убеждениям принадлежали к объективно-идеалистической линии европейской философии. Отмечается, что исторически в лагере объективно-идеалистической философии были явлены и иные подходы в анализе проблематики войны. В этой связи представлены взгляды двух великих идеалистов – Платона и Гегеля. Подчеркивается, что в отличие от Данте, у которого не было развернутой теоретической концепции на предмет феномена войны, у Владимира Сергеевича Соловьева таковая была. Обращается внимание на то, что, по мнению автора статьи, эта часть теоретического наследия В. С. Соловьева исследована недостаточно полно. Объясняется, что В. С. Соловьев начинает свои рассуждения с указания на целесообразность разграничения базовых основ компетенций внутреннего и международного государственного права, чтобы должным образом сформулировать интересующую нас проблему. Подчеркивается, что, по мнению В. С. Соловьева, надо уметь различать три аспекта интересующей нас проблемы: как относиться к войне с общенравственной точки зрения, как относиться к войне с исторической точки зрения и как относиться к данной конкретной войне отдельному человеку, желающему жить разумно и нравственно, но уже

втянутому в нее волею судеб? Четкое и ясное различение этих трех уровней позволит, по мысли В. С. Соловьева, избежать многих недоразумений в отношении войны и пустого, «механического», ее отрицания. В завершении делается вывод: несмотря на то, что Данте и В. С. Соловьев имели разное видение феномена войны, но есть то, что их единит, – христианское мировоззрение.

Ключевые слова: феномен войны; добро; зло; мораль; насилие; возмездие; идеалистическая философия; теория «непротивления злу насилием»; христианское мировоззрение.

Abstract. The paper explores the Dante Alighieri's and V. S. Solovyov's positions on the phenomenon of war. It is indicated that the specifics of their positions were influenced by the fact that both of them, according to their beliefs, belonged to the objective-idealistic line of European philosophy. It is noted that historically, within the objective-idealistic philosophy, other approaches of the analysis of the problems of war were also revealed. In this regard, the paper presents the views of two great idealists – Plato and Hegel. It is emphasized that, unlike Dante, who did not have a detailed theoretical concept on the phenomenon of war, Vladimir Solovyov had one. Attention is drawn to the fact that, according to the author of this paper, this part of the theoretical heritage of V. S. Solovyov is not fully investigated. It is explained that V. S. Solovyov begins his arguments by pointing out the expediency of distinguishing the basic foundation of the competences of domestic and international state law in order to properly formulate the problem that interests us. It is emphasized that, according to V. S. Solovyov, it is necessary to distinguish three aspects of problem that interest us: how to treat the war from common of moral point of view, how to treat the war from historical point of view and how to treat this concrete war from the personal point of view of human being who wants to live rationally and morally but already drawn in it by the will of fate? A clear and accurate distinguish between this three levels will allow, according to V. S. Solovyov, to avoid many misunderstandings on the war and empty, «mechanical», denial. In conclusion, it is concluded: despite the fact that Dante and V. S. Solovyov had the different vision on the phenomenon of war but there is a something that unites them – Christian worldview.

Keywords: the phenomenon of war; good; evil; moral; violence; retribution; idealistic philosophy; the theory of «non-resistance to evil by violence»; Christian worldview.

Понятие «война»
как предмет
идеализма

По ставшему уже классическим определению Карла фон Клаузевица: «Война есть ничто иное, как продолжение государственной политики иными средствами» [1, с. 27]. Под «иными» тут понимаются именно насильственные средства. Спрашивается: разве может война как торжество насилия занимать думы философов-идеалистов? Ответ: может. Скажем, вот у Платона – основоположника идеализма – в его «Тимее» и примыкающем к нему «Критии» развернуто его знаменитое сказание о двух конкурирующих полисах – Афинах и Атлантиде. И что любопытно: в плане государственного устройства у древних Афин и Атлантиды много общего, за исключением одной «детали». Но это такая «деталь», которая меняет многое. Идеальные, по сказанию, Афины организованы в точном соответствии с теми принципами, что изложены

Платоном в его «Государстве»: сословие стражей-воинов живет жизнью автономной, самодостаточной и гармоничной, не касаясь золота-серебра, «блюдя середину между пышностью и убожеством» [2, с. 506].

О влиянии государства по Платону

Не так устроена жизнь воинов в Атлантиде. И хотя им на протяжении долгого времени удается обитать в роскоши и вроде бы не замечать ее, тем не менее это медленно, но неизбежно подтачивает в них «божественное начало» и уступает место «безудержной жадности и силе» [2, с. 515]. Чем закончился гнев богов на Атлантиду, мы тоже хорошо помним. Платон убежден, что политики, которые заботятся об устройстве мира посредством успешной войны, недальновидны. Они занимаются устранением симптомов, а не лечением самого заболевания. А причина данного недуга – это алчность – корыстолюбие и стремление к наживе. Но, по Платону, государство может культивировать в человеке и то самое «божественное начало» – «через усмотрение гармоний и круговоротов мира исправить круговороты в собственной голове, нарушенные уже при рождении, иначе говоря, добиться, чтобы созерцающее стало подобно созерцаемому, и таким образом стяжать ту совершеннейшую жизнь, которую боги предложили нам как цель на эти и будущие времена» [2, с. 498].

Диалектика Гегеля

Согласно другому великому идеалисту Гегелю: «Война поддерживает нравственное здоровье народов в индифференции против частных определенностей и против привыкания и окостенения, как ветер предохраняет озера от загнивания, которое могло бы явиться в них от продолжительного затишья, а среди народов от продолжительного или даже “вечного” мира» [3, с. 185]. Эту его фразу – не трудно догадаться – не очень-то любят воспроизводить и цитировать многочисленные сторонники диалектики Гегеля. У Адольфа Гитлера, заметим, были на сей счет поразительно схожие мысли.

Идеи Данте у В. С. Соловьева

Но нас в контексте данной статьи интересуют два других философа в их взгляде на феномен войны. Это те, кто обозначен в ее заголовке. И, как известно, на процесс становления мировоззрения идеалиста В. С. Соловьева оказал существенное влияние своим творчеством другой идеалист – Данте Алигьери. И хотя их отделяли по хронологии почти восемь столетий, целый рой идей великого флорентийца пронзил время и прочно проник в душу «русского Гегеля». Их и в самом деле многое еедило, начиная с еще детских образов Беатриче и Софии, трепетно сбереженных тем и другим на протяжении всей их жизни, и заканчивая идеями «великого вечного Рима» и «всемирной монархии». И если те ранние образы Беатриче и Софии стали для обоих «звездой пленительного счастья», ведшей их по жизни, то идея «всемирной монархии» под эгидой «великого вечного Рима» стала для этих

«Божественная комедия» Данте

двух романтиков-идеалистов нечто сродни *idea fix*. А вот последняя идея нас неотвратимо подводит к идее войны как в узком (в концептуальной стилистике фон Клаузевица), так и в широком (в концептуальной стилистике Владимира Сергеевича Соловьева) ее значении.

И если у флорентийского идеалиста Данте не было идейно выстроенной концепции войны, то у русского идеалиста Владимира Соловьева таковая была. И не просто идейно выстроенная концепция, а весьма стройная теория, являющаяся логическим следствием его учения о Богочеловечестве и оправдании добра. Но, прежде чем приступить к изложению и анализу ее сути, обратимся все же к позиции позднесредневекового итальянского идеалиста. Пусть у него теоретических построений на сей счет и не было, но свой, надо сказать, негативный, взгляд на феномен войны был. А что он именно негативный, свидетельствует хотя бы тот факт, что в своей бессмертной «Комедии» Данте Алигьери зачинщиков войн поместил в круг восьмой девятого рва Ада со всеми вытекающими для его обитателей последствиями, назвав их «Зачинщиками раздора». Но мы-то с вами понимаем, что именно с раздоров войны и начинаются. Тем более что персонификация действующих лиц той Песни 28 «Ада» не дает в этом усомниться. Божье возмездие там реализуется через физиологический раскол тел зачинщиков раздора и нанесение им такого рода ран, что повлекли боевые действия как следствия привнесенного ими раскола и раздора. Так что им буквально вернулось то, что они «посеяли»:

Кто мог бы, даже вольными словами,
Поведать, сколько б он ни повторял,
Всю кровь и раны, виденные нами?

Любой язык, наверно, бы сплошал:
Объем рассудка нашего и речи,
Чтобы вместить так много, слишком мал [4, с. 149].

И кто култыгу, кто разруб кровавый
Казать бы стал, – их превзойдет в сто крат
Девятый ров чудовищной расправой.

Не так дыряв, утратив дно, ушат,
Как здесь нутро у одного зияло
От самых губ дотуда, где смердят:

Копна кишок между колен свисала,
Виднелось сердце с мерзостной мошной,
Где съеденное переходит в кало.

Ислам
в повествовании
Данте

Несчастный, взглядом встретившись со мной,
Разверз руками грудь, от крови влажен,
И молвил так: «Смотри на образ мой!» [4, с. 149–150]

За чередой предъявленных Данте многочисленных грешников, знаменитых по истории Италии, не обойдены в этом повествовании его вниманием и два виднейших представителя ислама – сам пророк Мохаммед и Али – зять Мохаммеда. Как правоверный католик, Данте не мыслил иного исхода для создателя ислама, внесшего в мир новый раскол. Равно, собственно, как и для Али, погибшего в 661 году от сабельного удара по черепу. Полагая Али творцом раскола уже внутри самого ислама (имея в виду раскол между шиитами и суннитами), Алигьери помещает его в данный круг и ров Ада с раскроенной надвое головой. Так что это юдоль не только скорби и слез, но и страшных боевых ран:

Смотри, как Магомет обезображен!
Передо мной, стена, идет Али,
Ему весь череп надвое рассажен.

И все, кто здесь, и рядом, и вдали, –
Виновны были в распрах и раздорах
Среди живых, и вот их рассекли [4, с. 150].

А я смотрел на многолюдный дол
И видел столь немислимое дело,
Что речь о нем я вряд ли бы повел,

Когда бы так не совесть мне велела,
Подруга, ободряющая нас
В кольчугу правды облекаться смело.

Я видел, вижу словно и сейчас,
Как тело безголовое шагало
В толпе, кружащей неисчетный раз,
И срезанную голову держало
За космы, как фонарь, и голова
Взирала к нам и скорбно восклицала [4, с. 152].

«Оправдание добра»
В. С. Соловьева

Ну и довольно, пожалуй, адовой жути. Давайте теперь обратимся к более спокойному философскому дискурсу Владимира Сергеевича Соловьева по означенному вопросу. Вопросы сущности и природы войны очень беспокоили и Владимира Сергеевича Соловьева. В своей великолепной книге «Оправдание добра» в главе восемнадцатой «Смысл войны» он начинает свои рассуждения с указания на целесообразность разграничения базовых основ компетенций внутреннего и международного государственного

права, чтобы должным образом сформулировать интересующую нас проблему. Это, так сказать, лишь первый необходимый шаг в нужном направлении: «В простейшем практическом выражении смысл государства состоит в том, что оно в своих пределах подчиняет насилие праву, произвол – законности, заменяя хаотическое и истребительное столкновение частных элементов природного человечества правильным порядком их существования, причем принуждение допускается лишь как средство крайней необходимости, заранее определенное, закономерное и оправданное, поскольку оно исходит из общей и беспристрастной власти. Но эта власть простирается только до пределов данной государственной территории. Над отдельными государствами нет общей власти, и потому столкновения между ними решаются окончательно только насильственным способом – войною» [5, с. 338].

Философский анализ
В. С. Соловьева

Владимир Соловьев также весьма активно и умело употребляет метод аналогии и арсенал медицинской терминологии для идентификации и описания того состояния человечества, которое характеризуется столкновением внешнеполитических интересов государств и войной как средством их разрешения. Для лучшего осмысления и лучшей наглядности он переносит проблему в медико-физиологическую плоскость «нормы и патологии». Мастерски он также использует параллели с симптоматикой заболевания отдельного человека и рода человеческого и архиважной роли иммунной системы в выздоровлении организма. Более того, В. С. Соловьев сам смотрит и приглашает нас смотреть на войну как на всего лишь внешние симптомы серьезного внутреннего недуга, которым больно человечество. От этого в немалой степени зависит верный выбор того или иного варианта хирургического или терапевтического лечения. И что еще немаловажно: по мнению Владимира Соловьева, декларативно, «механически» запрещать или отрицать войну как способ разрешения конфликтных ситуаций столь же бесперспективно и глупо, как запрещать или отрицать озноб, кашель или рвоту: «Никто, кажется, не сомневается в том, что здоровье, вообще говоря, есть благо, а болезнь – зло, что первое есть норма, а второе – аномалия; нельзя даже определить, что такое здоровье, иначе как назвав его нормальным состоянием организма, а для болезни нет другого определения, как “уклонение физиологической жизни от ее нормы”. Но эта аномалия физиологической жизни, вызываемая болезнью не есть, однако, бессмысленная случайность или произвольное создание внешних, посторонних самому больному, злых сил. Не говоря уже о неизбежных болезнях роста или развития, по мнению всех мыслящих врачей, настоящая причина болезней заключается во внутренних, глубоко лежащих изменениях самого организма, а внешние, ближайшие причины заболевания (напри-

мер, простуда, утомление, заражение) суть только поводы для обнаружения причины внутренней, и точно так же те болезненные явления, которые обыкновенно людьми незнающими принимаются за самую болезнь (например, жар и озноб, кашель, разные боли, ненормальные выделения), на самом деле выражают только успешную или неуспешную борьбу организма против разрушительного действия тех внутренних и большей частью загадочных в своем последнем основании, хотя фактически несомненных, расстройств, в которых заключается настоящая сущность болезни; отсюда практический вывод: врачебное искусство должно иметь главным предметом не внешние проявления болезни, а ее внутренние причины, оно должно определить по крайней мере фактическую их наличность и затем помогать целительным действиям самого организма, ускоряя и восполняя эти естественные процессы, а не насилуя их.

В подобном же положении находится вопрос о хронической болезни человечества – международной вражде, выражающейся в войнах. Симптоматическое ее лечение, то есть направленное не на внутренние причины, а лишь на внешние проявления, было бы в лучшем случае только сомнительным паллиативом; простое, безусловное ее отрицание не имело бы никакого определенного смысла. При нравственном расстройстве внутри человечества внешние войны бывали и еще могут быть необходимы и полезны, как при глубоком физическом расстройстве бывают необходимы и полезны такие болезненные явления, как жар или рвота» [1, с. 338–339].

Три уровня отношений
по В. С. Соловьеву

Далее Владимир Сергеевич Соловьев делает еще один принципиально важный шаг в сторону правильного, как он считает, понимания сути войны и военных действий. Для этого, по его мнению, надо уметь различать и не смешивать три разных аспекта проблемы, могущих быть выраженными тремя разными постановками вопроса. Первое: как относиться к войне с общенравственной точки зрения? Второе: как относиться к войне с исторической точки зрения? И третье: как относиться к данной конкретной войне отдельному человеку, желающему жить разумно и нравственно, но уже втянутому в нее волею судеб? Четкое и ясное различение этих трех уровней позволит, по мысли В. С. Соловьева, избежать многих недоразумений в отношении войны и пустого, «механического», ее отрицания: «По-настоящему относительно войны следует ставить не один, а три различных вопроса: кроме общенравственной оценки войны есть другой вопрос – о ее значении в истории человечества, еще не кончившейся, и, наконец, третий вопрос, личный – о том, как я, то есть всякий человек, признающий обязательность нравственных требований по совести и разуму, должен относиться теперь и здесь к факту войны и к тем

условиям, которые из него практически вытекают? Смешение или неправильное разделение этих трех вопросов – общенравственного или теоретического, затем исторического и, наконец, лично-нравственного или практического, – составляет главную причину всех недоразумений и кривотолкований по поводу войны, особенно обильных в последнее время.

Осуждение войны в принципе уже давно сделалось общим местом в образованном человечестве. Все согласны в том, что мир есть добро, а война – зло: наш язык уже автоматически производит выражение: блага мира, ужасы войны, и никто не решается сказать наоборот: “благоденствия войны” или “бедствия мира”. Во всех церквях молятся о временах мирных и об избавлении от меча или от браней, которые ставятся здесь наряду с огнем, голодом, мором, трусом и потопом. Кроме дикого язычества люди осуждают в принципе войну. Еще еврейские пророки проповедовали умиротворение всего человечества и даже всей природы. Того же требует буддийский принцип сострадания ко всем живым существам. Христианская заповедь любви к врагам исключает войну, ибо любимый враг перестает быть врагом, и с ним уже нельзя воевать. Даже воинственная религия ислама смотрит на войну только как на временную необходимость, осуждая ее в идеале. “Сражайтесь с врагами доколе не утвердится Ислам”, а затем: “Да прекратится всякая вражда”, ибо “Бог ненавидит нападающих” (Коран, сура II).

Со стороны общенравственной оценки нет и не может быть двух взглядов на этот предмет: единогласно всеми признается, что мир есть норма, то, что должно быть, а война – аномалия, то, чего быть не должно» [5, с. 339–340].

«Меньшее из зол»
по В. С. Соловьеву

Если на первый из поставленных вопросов должен быть дан, по В. С. Соловьеву, один определенный и безоговорочный ответ (что война есть безусловное зло), то при ответе на второй и третий вопросы такого рода ясного и безапелляционного ответа быть не может. Согласно Владимиру Соловьеву, и с точки зрения всего комплекса исторически сложившихся на данный момент условий, и с точки зрения отдельно взятого индивида, попавшего в данные конкретные обстоятельства, война вполне может восприниматься как меньшее из зол: «Итак, на первый вопрос о войне существует один бесспорный ответ: война есть зло. Зло же бывает или безусловное (как например, смертный грех, вечная гибель), или же относительное, то есть такое, которое может быть меньше другого зла и сравнительно с ним должно считаться добром (например, хирургическая операция для спасения жизни).

Смысл войны не исчерпывается ее отрицательным определением как зла и бедствия; в ней есть и нечто положительное – не в том смысле, чтобы она была сама по себе нормальна, а лишь

в том, что она бывает реально необходимою при данных условиях. Эта точка зрения на ненормальные явления вообще не может быть устранена, и на нее приходится становиться не в противоречии с нравственным началом, а, напротив, в силу его прямых требований. Так, например, хотя всякий согласится, что выбрасывать детей из окошка на мостовую есть само по себе дело безбожное, бесчеловечное и противоестественное, однако если во время пожара не представляется другого средства извлечь несчастных младенцев из пылающего дома, то это ужасное дело становится не только позволительным, но и обязательным. Очевидно, правило бросать детей из окошка в крайних случаях не есть самостоятельный принцип наравне с нравственным принципом спасения погибающих; напротив, это последнее нравственное требование остается и здесь единственным побуждением действий; никакого отступления от нравственной нормы здесь нет, а есть только прямое ее приложение способом хотя неправильным и опасным, но таким, однако, который в силу реальной необходимости оказывается единственно возможным при данных условиях» [5, с. 340].

Анализ возникающих противоречий

Пара принципиальных замечаний. Я совершенно ничего не имею против тезиса о том, что война в определенных обстоятельствах может действительно восприниматься (и по факту так оно и есть) как меньшее из зол. Но при этом, во-первых, мне не очень ясно, почему, согласно В. С. Соловьеву, месть как заслуженное воздаяние агрессору, преступнику, значит, не может быть реально необходимою ни при каких обстоятельствах. Убивать убийцу по закону, то бишь применением к нему смертной казни, и даже присуждать ему пожизненное заключение реально необходимым быть также не может. А вот война, оказывается, очень даже может, хотя, как известно, на войне приходится убивать людей массами по факту их принадлежности к противоборствующей стороне, просто символизируемой одеянием в чужую униформу, не говоря уже о бедствиях, страданиях и даже гибели мирного, уже совершенно ни в чем не повинного населения. Где же тут логика и где же тут сила нравственного чувства?! И, во-вторых, представленная Владимиром Соловьевым ситуация с выбросом детей на мостовую из горящего дома в качестве параллели с военными действиями, на мой взгляд, – не очень удачный пример в том смысле, что не совсем верно описывает аналогию с бедствиями войны. Моделировать ситуацию надо таким образом: в доме засели вражеские солдаты, мы дом взорвали или подожгли, а затем бегаем и спасаем детей, выбрасывая их из окошка на мостовую. Это вовсе не значит, что я не принимаю разумности доводов В. С. Соловьева, я просто подчеркиваю очевидный изъян, по моему разумению, как в логике, так и в его теоретическом обосновании нравственной позиции.

Реальные
и «удаленные»
действия

Вот со следующим ходом мысли Владимира Сергеевича Соловьева не могу согласиться не то чтобы в «деталях», а в принципе. Совсем, на мой взгляд, какая-то по-детски наивная трактовка войны и индивидуальных мотиваций бойца на ней. Ознакомимся с ней: «При военной службе сама война есть только возможность. За сорокалетний период между войнами Наполеона I и Наполеона III несколько миллионов людей в Европе прошли через военную службу, но лишь ничтожное число из них испытали действительную войну. Но и в тех случаях, когда она наступает, война все-таки не может быть сведена к убийству как злодеянию, то есть предполагающему злое намерение, направленное на определенный предмет, на этого известного человека, который умерщвляется мною. На войне у отдельного солдата такого намерения, вообще говоря, не бывает, особенно при господствующем ныне способе боя из дальнотрельных ружей и пушек против невидимого за расстоянием неприятеля. Только с наступлением действительных случаев рукопашной схватки возникает для отдельного человека вопрос совести. Вообще же война, как столкновение собирательных организмов (государств) и их собирательных органов (войск), не есть дело единичных лиц, пассивно в них участвующих, и с их стороны возможное убийство есть только случайное» [5, с. 352].

Критика идеи
невинности
«удаленных» действий

Тезис, следует признать не выдерживающий никакой критики. Искренне полагать, что на войне злодейским, то бишь несчастным, убийством может признаваться только причинение смерти врагу при штыковой и кавалерийской атаках, а от прицельного артиллерийского и ружейного огня нет, и это на основании лишь того, что, мол, ты, паля шрапнелью из пушек или из ружья, не видишь кровь и раны, не видишь, как корчится от боли поражаемый тобой противник, а только лишь как падают вдалеке какие-то фигурки нажатием твоего пальца на спусковой крючок или поднесением фитиля к орудию, – это, извините меня, уже «ни в какие идеалистические ворота не лезет». По такой логике нажимающий на гашетку напалмового бомбометания по спящему городу летчик или нажимающий на кнопку ядерного пуска ракетчик представляют собой если уж и не образец нравственного облика, то уж во всяком случае человека, стоящего в этом отношении несравненно выше бегущего с криком «Ура!» в атаку солдатика. И ничего, что там погибнут, возможно, тысячи или даже миллионы женщин и детей, но ведь никто же лично их не душил и не резал! Смешно, право слово. Но это тот смех, который сквозь слезы.

Возражения
В. С. Соловьева
Л. Н. Толстому

Любопытно, как бывает: насколько с ходом мысли Владимира Сергеевича Соловьева, представленном в прошлом отрывке, я был категорически не согласен, настолько солидарен с тем, что развивается в ниже приводимом фрагменте. Здесь он с платформы именно практических нравственных оснований развенчивает позицию

«толстовского» пацифизма: «Не лучше ли, однако, отказом от военной службы предотвратить для себя самую возможность случайного убийства? Без сомнения, так, если бы дело шло о свободном выборе. На известной высоте нравственного сознания или при особом развитии чувств жалости человек не изберет, конечно, по собственной охоте строевую военную службу, а предпочтет мирные занятия. Но что касается обязательной службы, требуемой государством, то, вовсе не сочувствуя современному учреждению всеобщей воинской повинности, неудобства которого очевидны, а целесообразность сомнительна, должно признать, что пока оно существует, отказ от подчинения ему со стороны отдельного лица есть большее зло. Так как отказывающийся знает, что определенное число новобранцев будет поставлено во всяком случае и что на его место призвут другого, то, значит, он заведомо подвергает всем тягостям военной повинности своего ближнего, который иначе был бы от них свободен. Помимо этого, общий смысл такого отказа не удовлетворяет ни логическим, ни нравственным требованиям, ибо он сводится к тому, что для избежания будущей отдаленной возможности случайно убить неприятеля на войне, которая не от меня будет зависеть, я сейчас же сам объявляю войну своему государству и вынуждаю его представителей к целому ряду насильственных против меня действий теперь, для того чтобы уберечь себя от проблематичного совершения случайных насилий в неизвестном будущем» [5, с. 353].

О необходимости
вооруженных сил
и правоохранительных
органов

Мое солидарное отношение к развитию мысли Владимира Соловьева продолжается и в следующем фрагменте. В нем он объясняет свою позицию применительно к необходимости существования вооруженных сил государства и его правоохранительных органов. Это еще один удар с его стороны по «толстовству». Весьма показателен в этом контексте его отзыв о солдате и городове даже не как о символе «меньшего зла», а именно как об олицетворении блага без всяких там «примесей»: «Если какие-нибудь дикари, вроде недавних кавказских горцев или теперешних курдов, нападут на путешественника с явным намерением его убить и перерезать его семейство, то он, без сомнения, обязан вступить с ними в бой – не из вражды и злобы к ним, а также не для того, чтобы спасти свою жизнь ценою жизни ближнего, а для того, чтобы защитить слабые существа, находящиеся под его покровительством. Помогать ближним в подобных случаях есть безусловная нравственная обязанность, и ее нельзя ограничить своею семьею. Но успешная защита всех слабых и невинных от насилия злодеев невозможна для отдельного человека и для многих людей порознь. Собирательная же организация такой защиты и есть назначение военной силы государства, и так или иначе поддерживать его в этом деле человеколюбия есть нравственная обязанность каждого, не упраздняемая

никакими злоупотреблениями: как из того, что спорынья ядовита, не следует, что рожь вредна, так все тягости и опасности милитаризма ничего не говорят против необходимости вооруженных сил.

Военная и всякая вообще принудительная организация есть не зло, а следствие и признак зла. Такой организации не было и в помине, когда невинный пастух Авель был убит по злобе своим братом. Справедливо опасаясь, как бы то же самое не случилось и с Сифом, и с прочими мирными людьми, добрые ангелы-хранители человечества смешали глину с медью и создали солдата и городского. И пока Каиновы чувства не исчезли в сердцах людей, солдат и городской будут не злом, а благом. Вражда против государства и его представителей есть все-таки вражда, и уже одной этой вражды к государству было бы достаточно, чтобы видеть необходимость государства. И не странно ли враждовать против него за то, что оно внешними средствами только ограничивает, а не внутренне упраздняет в целом мире ту злобу, которую мы не можем упразднить в себе самих!» [5, с. 353–354]

Вот все и встало на свои места. Но я продолжаю «гнуть» свою линию: почему без ненависти, хладнокровно кавказских горцев и курдов, когда они разбойничают, убивают и грабят, по закону войны уничтожать можно, причем, получается, даже и в штыковых, и кавалерийских атаках, а не только в результате артиллерийских и ружейных обстрелов, а не меньших злодеев из своих граждан по своим внутренним законам категорически нельзя? Не только одно государство может объявлять другому государству войну и не только одна группа населения может навязывать государству гражданскую войну, но и отдельно взятый преступник самим фактом своего злодеяния объявляет государству, его законам, войну.

В. С. Соловьев о мерах государства

Определенную концептуальную новацию представляет собой идея Владимира Сергеевича Соловьева дачи дефиниции государству как организованной жалости. Мне, например, никогда не приходилось встречать ничего подобного даже в теоретическом смысле. Именно под этим углом зрения он говорит о суровой необходимости и целесообразности в определенных случаях употребления государством мер как раз безжалостных. Опять же использует он в этом свете аналогию с доктором, проводящим для спасения больного хирургическую операцию. По поводу этого, кстати говоря, у меня никаких претензий к В. С. Соловьеву нет. У меня есть определенные претензии к самой его дефиниции государства как организованной жалости. Осознавая всю сложность такого рода познавательных процедур, то есть дачи определения понятиям, я все же бы решился сказать следующее: уж если все же ставить задачу дать дефиницию государству, то уж куда вернее назвать его не «организованной жалостью», а «организованной справедливостью»: «Указывают на суровый и нередко жестокий характер государства,

очевидно противоречащий его определению как организованной жалости. При этом не различают суровости необходимой и целесообразной от бесполезной и произвольной жестокости. Между тем первая не противоречит жалости, а вторая, как злоупотребление, противоречит смыслу самого государства, и, следовательно, ни та, ни другая ничего не говорят против определения государства (разумеется, нормального) как организованной жалости. Мнимое противоречие здесь основано на такой же поверхностной видимости, как если бы кто-нибудь указывал на бессмысленную жестокость неудачной хирургической операции, а также, кстати, на страдания больного даже при удачной операции, как на очевидное противоречие с понятием хирургии, в смысле благодетельного искусства, помогающего людям в известных телесных страданиях. Слишком очевидно, что такие представители государственной власти, как, например, Иван IV, так же мало свидетельствуют против человеколюбивой основы государства, как дурные хирурги против благотворности самой хирургии...

Но государство даже и в самых нормальных своих проявлениях неизбежно бывает безжалостно. Жалея мирных людей, которых оно защищает от хищных насильников, оно с этими должно поступать безжалостно. Такая односторонняя жалость не соответствует нравственному идеалу. Это бесспорно, но опять-таки не говорит ничего против нашего определения государства, ибо, во-первых, жалость хотя бы односторонняя, есть все-таки жалость, а не что-нибудь другое; а во-вторых, государство, даже нормальное, никак не есть выражение достигнутого нравственного идеала, а только одна из главных организаций, необходимых для достижения этого идеала» [1, с. 385–386].

Противоречия
у В. С. Соловьева

Должен также заметить, что многое из того, что сказано здесь Владимиром Соловьевым, мягко говоря, не очень-то вяжется со всем тем, что утверждалось прежде. Мы же знаем его позицию насчет воспреещения мести, реализации принципа возмездия в форме смертной казни и пожизненного заключения в адрес даже закоренелых преступников. Причем постановка этого дела (в смысле запрета смертной казни и пожизненного заключения) имела в виду В. С. Соловьевым уже сейчас, а не когда-нибудь в далеком будущем, не когда-нибудь в Царстве Божьем, которое, как он сам отмечал, на земле недостижимо.

Идеальное состояние
человечества
по В. С. Соловьеву

Заключительный аккорд концептуальной партитуры Владимира Сергеевича Соловьева относительно вооруженной силы государства и целесообразности ее применения связан как раз с той самой надеждой достижения идеального состояния человечества, или Царства Божия на земле. Тогда не понадобится ни вооруженная сила государства, ни само государство, ни как «машина подавления», ни как «организованная справедливость», ни даже как «организованная

жалость», поскольку жалеть, по словам В. С. Соловьева, будет некого и незачем. Все будут праведниками, образцом морального облика – все же Царствие Божие. Мы не успели забыть, что было нечто подобное в виде коммунистической утопии, а тут, будьте любезны, – утопия религиозная. Лично я против этого ничего не имею, одно важно: раз так, то к ней нужно и относиться соответственно. Насчет же «моралистов» – или, как их впоследствии стали величать, «абстрактных гуманистов», преимущественно специализирующихся на защите убийц и насильников, – все сказано верно: «Достигнутое идеальное состояние человечества, или Царство Божие как осуществленное, очевидно, несовместимо с государством, но оно несовместимо и с жалостью. Когда все снова будет “добро зело”, тогда кого же можно будет жалеть? А пока есть кого жалеть, есть кого и защищать, и нравственная потребность в целесообразно и широко организованной системе такой защиты, то есть нравственное значение государства, остается в силе. А безжалостность государства к тем, от кого или против кого приходится защищать мирное общество, – разве эта безжалостность, фактически несомненная, есть нечто безусловно роковое, и даже фактически – разве она что-нибудь неизменное? Разве это не исторический факт, что отношение государства к его врагам прогрессирует именно в смысле меньшей жестокости и, следовательно, большей жалости? Прежде их мучительно истребляли целыми семьями и родами (как еще и теперь делается в Китае); потом каждый стал отвечать за самого себя, далее изменили самый характер ответственности: перестали мучить преступников ради одного мучения; наконец, теперь ставят уже и положительную задачу нравственной помощи им. Чем же в последнем основании обусловлены такие перемены? Когда государство ограничивает или упраздняет смертную казнь, отменяет пытки и телесные наказания, заботится об улучшении тюрем и мест ссылки, не ясно ли, что, жалея и защищая мирных людей, страдающих от преступлений, оно начинает распространять свою жалость и на противную сторону – на самих преступников? Следовательно, указание на одностороннюю жалость начинает терять силу уже фактически. Именно благодаря государству организация жалости перестает быть односторонней, ибо людская толпа и теперь еще в своем отношении к общественным врагам руководится в большинстве случаев старыми безжалостными максимами: собаке собачья смерть; поделом вору и мука; да чтоб и другим не повадно было. Такие максимы теряют практическую силу благодаря именно государству, которое более свободно в этом деле от односторонности в том и другом отношении, так как властно сдерживая мстительные инстинкты толпы, готовой растерзать преступника, государство вместе с тем никогда не откажется от обязанности человеколюбия – противодействовать преступлениям, как хотели бы те

Родство видений
Данте и В. С. Соловьева

странные моралисты, которые на деле жалеют только обидчиков, насильников и хищников при полном равнодушии к их жертвам. Вот уже действительно односторонняя жалость!» [1, с. 386–387].

Завершая рассмотрение достаточно стройной и содержательно богатой концепции Владимира Сергеевича Соловьева на войны (а значит, и революции), следует зафиксировать, что она представляется в вооруженной силе государства по защите своих граждан и ее применения по принципу несравненно «меньшего зла». И уже в самом заключении данной статьи хотелось бы заметить следующее: видение феномена войны, вооруженной силы и оправданности насилия у Данте Алигьери и В. С. Соловьева, конечно же, разное, но есть нечто, что в этом их взгляде, безусловно, единит и роднит, – искренняя приверженность христианскому мировоззрению. И, разумеется, идеалистический романтизм с этим связанный – куда без него?!

1. Соловьев В. С. *Оправдание добра*. М., 1996.
2. Гегель Г. В. Ф. *Политические произведения*. М., 1978.
3. Данте А. *Божественная комедия* / пер. М. Лозинского. М., 1982.
4. Клаузевиц К. *О войне*. М., 1998.
5. Платон *Собрание сочинений в 4 т.* Т. 3. М., 1994.

REFERENCES

1. Solovyov V. S. *Opravdanie dobra* [Justification of Good]. Moscow: Respublika Publ., 1996. 478 p. (in Rus.).
2. Hegel G. *Politicheskie proizvedeniya* [The Political works]. Moscow: Nauka Publ., 1978. 439 p. (in Rus.).
3. Dante Alighieri *Bozhestvennaya komediya* [The Divine Comedy]. Translated M. Lozinsky. Moscow: Pravda Publ., 1982. 640 p. (in Rus.).
4. Clausewitz K. *O voyne* [On war]. Moscow: Nauka Publ., 1998. 458 p. (in Rus.).
5. Plato *Sobranie sochineniy v 4 tomah* [Collected works in 4 volumes]. Vol. 3. Moscow: Mysl' Publ., 1994. 654 p. (in Rus.).

